

чения кладется понятие объективного «настоящего» — «широкого временного синтеза, в котором непосредственно реализуется объективная действительность и глагольное действие прикрепляется к субъекту действия» (стр. 245). С этой точки зрения как прямое употребление форм времени рассматриваются все случаи, когда значение форм времени «сводится к простому указанию на непосредственное отражение в высказываемом реализуемой, реализованной или подлежащей реализации объективной действительности» (стр. 212). Относительное же употребление рассматривается как большее или меньшее поглощение собственно-временных значений синтаксическими значениями одновременности или неодновременности по отношению к тому временному плану в прошлом и будущем, который рассматривается как фокус отражения действительности в языке» (стр. 245).

Исходя из этого понимания, автор рассматривает значение и употребление форм настоящего и будущего времени, отделяя прямое употребление от относительного. Эта часть работы содержит много новых интересных наблюдений (особенно в характеристике настоящего времени), снабженных большим количеством иллюстраций.

Однако не всегда разграничение употребления форм времени, выдвигаемое автором, вполне убедительно. Так, недостаточно ясно определены границы между теми явлениями, которые Н. С. Поспелов называет «настоящее изобразительное» и «настоящее описательное». Примеры, иллюстрирующие эти значения формы настоящего времени, в некоторой своей части совершенно однородны (ср. стр. 220 и 227). Не раскрыто в работе с достаточной ясностью соотношение между значением формы времени и ее многообразным применением в различных контекстах.

Термином «значение формы времени» (настоящего или будущего) обозначаются очень различные явления (ср. значение «раскрытого» или «нераскрытого» настоящего и значение «описательного» или «повествовательного» настоящего).

Статья Н. С. Поспелова занимает особое место в книге. Она гораздо более теоретична, чем все другие работы, входящие в сборник. Поэтому в ней иное соотношение между описательной и обобщающей частью: в статье преобладает теоретическое рассуждение, сопровождающееся широким критическим обзором литературы вопроса. Автор строит свои выводы не только на основе собственных наблюдений, но и привлекает исследования других языковедов, в том числе кандидатские диссертации, материал которых, к сожалению, все еще очень мало используется в научных работах обобщающего характера.

В целом сборник должен быть оценен как очень полезная и удачная книга, обогащающая науку новыми фактами и наблюдениями в области мало изученных вопросов, актуальность которых была подчеркнута в последних по времени дискуссиях общетеоретического характера и обсуждениях очередных задач советского языкознания.

В. А. Белошапкова

—

Max Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, I, II, III (2 Lief.). — Heidelberg, 1950—1955.

Еще лет тридцать назад школьные грамматики обычно состояли из «этимологии» и «синтаксиса». Этимология обозначала учение о звуках, частях речи и формах слов, и среди русской интеллигенции господствовало представление, что «этимологическим» называется словарь, в котором слова расположены не по алфавиту, а по «корням» или «гнездам». Такими «корнесловами» являются, в сущности, и все три издания «Толкового словаря» В. Даля.

Однако специалисты-языковеды уже давно понимают под «этимологическим словарем» алфавитный перечень по возможности всех — как коренных, так и производных — слов данного языка с указанием их первого появления в письменности, изменения их форм и значений, их происхождения и истории и т. д. на основании данных исторической грамматики и сравнительного языкознания. Из старых русских словарей под это определение подходят только словари Н. В. Горяева и А. Г. Преображенского¹, но они, конечно, очень далеки от идеала.

Репензируемый словарь М. Фасмера принципиально мало чем отличается от словаря Преображенского. Он также основан на сравнительно-историческом методе, реконструирующем формы индоевропейского, праславянского и других праязыков. Однако М. Фасмер пользуется этим методом гораздо более последовательно и с несрав-

¹ См. М. Н. Петерсон, О составлении этимологического словаря русского языка, ВЯ, 1952, № 5.

ненно большим успехом, чем А. Преображенский. М. Фасмер неукоснительно следует установленному еще Я. Гриммом правилу: прежде чем приступать к сравнению какого-либо слова с соответствующими ему словами родственных языков, необходимо проследить по письменным источникам его звуковое и семантическое развитие как можно с более раннего периода. Конечно, ввиду отсутствия исторического словаря русского языка и явной неудовлетворительности древнерусских словарей Срезневского, Дювернуа и Кочина (последний, впрочем, не упоминается в списке источников), Фасмеру иногда не удается установить с точностью, когда то или иное слово впервые появилось в русской письменности, что особенно важно для сравнительно новых заимствований. Так, например, *какаб* (с ударением на окончании) записано уже в Космографии 1670 г. (Сиб., 1878—1881); у Фасмера же вообще не указывается, когда было заимствовано это слово, и можно подумать, что он считает его совсем недавним заимствованием. *Инженер*, *поручик* и *ланспасад* «капрал, унтер-офицер» встречаются задолго до петровской эпохи, к которой их относит Фасмер, а именно в «Учении и хитрости ратнаго строенія пѣхотныхъ людей» 1647 г.: дат. п. мн. числа *ижинеромъ*, род. п. ед. числа *пороутчика*, *ланспосать*, *ланспасать*. Такие неточности (правда, только в очень редких случаях) влияют на этимологию слова, т. е. заставляют нас искать его источник не там, где его ищет Фасмер. Например, вышеупомянутое *ижинеромъ*, по всей вероятности, заимствовано не непосредственно из нем. *Ingenieur* «инженер», как думает Фасмер, а через польск. *in. ynier, indzinger*. Встречаются также, особенно в первом томе словаря, пробы в определении старого ударения (которые иногда влияют на этимологию). Так, например, Фасмер производит *árest* «wegen der Betonung» (из-за ударения) из польск. *árest, áreszt* «арест», не замечая того, что русское ударение на предпоследнем слоге является сравнительно новым, просторечным, а старое *арѣст* (так уже в «Лексиконе вокабулам новым...» петровской эпохи) указывает на непосредственное заимствование из нем. *Arrést* «арест». Наоборот, *комната* на основании показаний начального русского ударения выводится Фасмером из др.-в.-нем. **khamināta, chemināta* «комната, отопляемая камином». Если бы Фасмер располагал хорошим историческим словарем, то заметил бы, что еще в XVIII в., например у В. Майкова в «Елисее» (II, стр. 192; III, стр. 67), встречалось русское ударение *комнѣта*, вполне соответствующее польск. *komnata* «зал, большая комната во дворце», а стало быть, заимствование слова *комната* из польского более вероятно, чем из немецкого. В обоих этих случаях перенос ударения совершился безусловно уже на русской почве.

Идеалом этимологического словаря является комбинированный этимологическо-исторический словарь, представляющий собой собрание статей-монографий по истории отдельных слов с указанием в с е х попыток их объяснения, но этот идеал на практике недостижим. Во-первых, издать такой словарь невозможно по чисто экономическим причинам: он оказался бы слишком объемистым и потому дорогим. Во-вторых, составление такого словаря было бы едва ли под силу одному или даже двум-трем лицам и затянулось бы, во всяком случае, на десятилетия, так что начало словаря успело бы уже устареть к моменту его окончания. Поэтому, как каждый современный составитель этимологического словаря, Фасмер стремился к максимальной сжатости и достиг ее обильным употреблением сокращений, условных обозначений и чрезвычайно «сухостью» изложения. Редкие статьи (например, *невесста*, *Перун*, *пѣс*, *Русь*, *славянин*, *собака*, *соловей*, *соха*) занимают около целой страницы, в большинстве же случаев объем статьи — от пяти до десяти строк. При такой экономии места нельзя, конечно, подробно разбирать все старые этимологии или обстоятельно развивать новые объяснения, особенно если они связаны с соображениями семантическими, требующими для своего обоснования большого количества примеров употребления слова в различных контекстах. Понятно, что Фасмер был принужден часто ограничиваться краткой ссылкой на автора этимологии, если она бесспорна, или на главных представителей различных мнений, если таковые имеются. В пределах возможного он, однако, стремится дать самую подробную библиографию.

Принимая во внимание, что слависты всего мира за последние сто лет проделали громадную работу по объяснению русских слов, мы, конечно, не вправе ожидать от самого Фасмера большого количества совершенно новых этимологий. Слова, не имеющие удовлетворительной, по мнению Фасмера, этимологии, снабжаются пометами «unklar» (неясно) или «dunkel» (темно), но и они сопровождаются ссылками на пытавшихся объяснить их авторов. Это имеет большое значение, поскольку чрезвычайно важно, чтобы молодые этимологи знакомились не только с достижениями, но и с ошибками своих предшественников. Интересно, что «неясными» или «неудовлетворительно объясненными» оказываются зачастую слова совершенно обыденные, которые, казалось бы, должны были входить в состав древнейшего так называемого «основного словарного фонда», как, например, *двигать* или *купать*. Очень много этимологически неясных слов и среди названий растений и животных, что отчасти объясняется отсутствием специальных лингвистическо-ботанических и лингвистическо-зоологических исследований по русскому языку.

Относящиеся к более позднему времени заимствования и новообразования русского языка объясняются сравнительно легко и уже довольно хорошо изучены. Сами Фасмером были в 1909 г. тщательно исследованы греческие заимствования (например, *известь, кит, кулич, фонарь* и др.)¹. Несколько лет спустя вышло подробное исследование финского ученого Я. Калима о русских словах прибалтийско-финского происхождения (например, др.-русс. *арбуи* «колдун», *вейка, камбала, корюшка, мыла, пахта* и др.)². Наконец, недавно появилась книга шведской славистики К. Тарнквист о скандинавских заимствованиях [например, *берговец* «10 пудов», *грядница* «помещение в княжеском дворце», *краги* (это слово почему-то не включено в словарь Фасмера), *крюк, пуд, сельдь* и др.]³. Все еще плохо изучены, к сожалению, польские заимствования XV — XVII вв., нет исчерпывающего исследования о тюркизмах и совершенно устарела работа Н. А. Смирнова «Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху»⁴.

Естественно, что большая часть таких заимствований — редкие, областные или совершенно устарелые слова. Они, однако, чрезвычайно важны для истории языка и материальной культуры и поэтому включение их в словарь безусловно следует приветствовать. Правда, благодаря их сравнительно большому количеству словарь приобретает для русского читателя несколько чуждый облик, который еще усугубляется наличием в словаре слов древнерусских, былинных, областных, редких технических терминов и др. Например, из находящихся на первой странице заглавий только пять понятны каждому образованному русскому: *а, абажур, аббат, аббатиса, абзац*; остальные же десять (*аангич, аба, абабок, абаз, абас, абазя, абакя, абатур, абдал, абие*) требуют толкования. Но так как каждое русское слово снабжено переводом на немецкий язык, то обилие малопотребительных слов не затрудняет пользование словарем; наоборот, помимо своего прямого назначения, он делается своего рода «тезаурусом» русского языка. Разумеется, им нельзя пользоваться как толковым или обыкновенным двуязычным словарем в стилистических целях. Одним из главных достоинств рецензируемого словаря является то, что Фасмер включает в него некоторые личные имена и фамилии, географические названия вплоть до улиц (например, *Арбат, Горюховая*), фольклорные названия (например, *Дюк, Сартак, Сафат-река*), а также некоторые идиоматизмы (например, *кронштадтский чай, троичная икра* и др.), объяснения которых нельзя было найти ни в одном другом словаре.

Самым существенным недостатком словаря нужно признать отсутствие ясно выраженного критерия при подборе слов. Поясим примерами. В словарь включен термин *горловщина*, встречающийся в пьесе А. Корнейчука «Фронт» (1942 г.), но почему-то не включены гораздо более распространенные и, с точки зрения истории русской культуры, более значительные термины *аракчеевщина* и *обломовщина*. Из так называемых «зашифрованных» новообразований советской эпохи включены, например, *викжель, втуз, вуз, комсомол, рация, сберкасса*, но отсутствуют *жакт, загс, колхоз, собес, совдеп, совнарком, совхоз* и др. Включены такие, например, шуточные образования, как встречающиеся у Мельникова-Печерского *поведения* (II, стр. 381) и *растеряция* вместо *ресторация* (II, стр. 515), но не включено такое же шуточное *верояция*, употребляемое Лесковым в «Левше» вместо *вариация*. Созданное С. Михалковым шуточное *Путеводилуц* упоминается как отдельное заглавие, хотя гораздо более известные шуточные создания Корнея Чуковского *Айболит* и *Мойдодыр* не упоминаются вообще. Из собственных имен есть, например, *Андрей*, но нет *Анны*; есть, например, *Селиван, Селифан* (у Гоголя) < *Сильван* < лат. *Silvanus*, но отсутствует *Селиверст* (у Маяковского) < *Сильвестр* < лат. *Silvestris*. Почему-то отсутствуют «два железные близнеца» *паровоз* и *пароход* и их младший брат *самолет*, получивший старое фольклорное название, хотя и включены новообразования приблизительно той же эпохи *водород* и *кислород* и знаменитое полуфольклорное *самовар*. Почему включены устарелое *прокуратор* и разговорное *прокурят*, но нет *прокурора*? Почему есть областное *пюот* «топанье», но нет обыкновенного *топота*? Почему под заглавием *картофель* приводятся областные *картоф, картоха, картозя, картопя, картосы, картыши, картофка, гартозя*, но не упоминается самая обыкновенная *картошка*?

Перечень подобных необъяснимых противоречий можно было бы еще значительно продолжить. То, что составитель, руководствуясь субъективным интересом, включил в словарь и, таким образом, спас для науки много слов-однодневок, и то, что он заметно отдал предпочтение архаическому словоупотреблению (особенно Мельникова-Печерского), конечно, не может рассматриваться как недостаток словаря. Труднее, однако, извинить отсутствие в нем многих слов, без которых вообще невозможно себе представить современный русский литературный язык, хотя бы они и казались,

¹ М. Р. Фасмер, Греко-славянские этюды, Сб. ОРЯС, т. 86, СПб., 1909.

² J. Kalima, Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen, Helsinki, 1919.

³ C. Thörnqvist, Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen, Uppsala, 1948.

⁴ Сб. ОРЯС, т. 88, СПб., 1910.

с точки зрения лингвиста, совершенно «прозрачными» и потому мало интересными, как, например, вышеупомянутые *паровоз* и *прокурор*.

По технике этимологии Фасмер стоит неизмеримо выше всех своих предшественников, не исключая даже А. Брюкнера и Э. Бернекера. Родившись в Петербурге и получив превосходное филологическое образование под руководством И. А. Бодуэна де Куртэна, А. И. Соболевского и А. А. Шахматова, Фасмер с университетских лет посвятил себя изучению заимствований в русском языке. Владея в совершенстве, кроме русского, немецким, польским и новогреческим языками, хорошо зная албанский, английский, шведский и эстонский, а также будучи знаком с иранистикой и тюркологией, Фасмер имеет все необходимые предпосылки для успешного окончания своей работы. Он выгодно отличается от многих других этимологов своей уравновешенностью, столь же далекой от фантазии Г. Хирта и А. Брюкнера, как и от скептицизма А. Мейе. Поэтому в большинстве случаев, когда Фасмер определенно высказывается за то или иное объяснение данного слова, его трудно опровергнуть, если нет совсем новых данных (см. выше о словах *инженер*, *арест*, *комната*). Зато многие этимологии, которые он из осторожности оставляет под сомнением, можно со спокойной совестью считать окончательно выясненными. Будучи хорошо знаком с русской литературой и с историей русской культуры, Фасмер, конечно, принимает во внимание стилистику, семантику и реалии, но в нем иногда все-таки перевешивает лингвист-младограмматик. Это заметно, например, в тех случаях, когда при полном совпадении значений он все же ищет более точного звукового соответствия (например, в слове *росомеха*), хотя в других случаях и признает, что социально мало значимые слова, особенно названия малоизвестных растений и животных, очень легко распадаются на целый ряд фонетически сильно отличающихся друг от друга вариантов (см., например, в словах *каргаль*, *карталь* и *крозаль*). При разборе интересного спора о том, является ли первичной форма *альчь* или *жельчь* («жёлчь»), Фасмер исходит исключительно из древности обоих написаний и из вероятности аналогического воздействия со стороны прилагательных *зелёный* и *жёлтый*, совершенно не затрагивая вопроса о том, какого цвета *жёлчь* на самом деле, хотя, казалось бы, следует начинать именно с этого. Типично младограмматическим построением, блестящим по замыслу, но совершенно умозрительным и не находящим поддержки в истории реалий, является также попытка восстановить префикс: *ка-*, который Фасмер, следуя примеру Ф. Миклошича, усматривает в словах *каблук*, *каверза*, *каверши*, *кавказа*, *кадолб*(ь), *калуга*, *калужа*, *кацап*, но почему-то не в слове *каворон* «грач», хотя именно здесь наличие названий птиц того же корня с другими префиксами (*гайворон*, *жаворонок*, *сковоронок*, *щеворонок*, чеш. *havran* «ворон») делает выделение префикса *ка-* весьма вероятным.

*

После этих замечаний общего характера перейдем к разбору этимологий некоторых слов.

Бурундук — «зверек из отряда грызунов», слово, являющееся, по мнению Фасмера, «неясным», заимствовано, как я указал еще в 1954 г., из мар. *uromdok* того же значения¹.

Буря во всех трех значениях, которые Фасмер приводит как отдельные слова, 1) (шуточное) «нос», 2) «волнообразный песчаный бугор, нанос» и 3) «волна с пенящими гребнями у прибрежных и подводных скал и мелей; прибор» восходит, по всей вероятности, к одному и тому же слову в значении «нос», заимствованному из татар. *burin* «нос». Развитие значения шло, вероятно, таким путем: «нос» > «мыс» > «подводный риф как продолжение мыса» > «волны, разбивающиеся об этот риф» (см. выше сноску у слова *бурундук*).

Название реки *Волма* Фасмер совершенно правильно сопоставляет с древнепольским *wolm* «морская пучина; волнение». Сюда же относится, конечно, и др.-русск. *волмина*, встречающееся в так называемой Хутынской грамоте 1192 г. и обозначавшее, по видимому, какое-то угодье на острове на р. Волхов. В Хрестоматии С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова² это слово оставлено без объяснения. Весьма возможно, что оно обозначало какой-нибудь затон или омут, где ловилась рыба.

Устарелое *гевальдигер* «офицер, заведывающий военною полициею, полицейскою частью при войсках» (Даль, т. I, стр. 357) было заимствовано не из нем. *Gewaltiger* «могучий, мощный», но из швед. *gevaldiger* «полицейский офицер; конвоир при арестованных».

¹ См. V. Kiparsky, Russisch *burun* und *burunduk*, «Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der Freien Universität», t. 6, Berlin, 1954, стр. 144.

² См. С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов, Хрестоматия по истории русского языка, ч. 1-я, 2-е изд., М., 1952, стр. 36, прим. 3.

Так называемое «протетическое *и*» в слове *исполин*, на объяснение которого учебными было потрачено много труда и остроумия, на самом деле, как указал А. Вайан в своем учебнике древнеперехвостовского языка, — просто результат неправильного чтения текста *ѣко и сполни* (Псалт. XVIII, 6)¹.

Колодец, устар. *колодязь* < праслав. **koldēd'z'ь* рассматривается Фасмером, как и большинством других этимологов, как заимствование из др.-герм. **kalding-* от **kaldaz* «холодный» (ср. нем. *kalt*, англ. *cold*, швед. *kall, kallt* «холодный, холодно»). Как и уже неоднократно указывал², это объяснение мало вероятно, так как, во-первых, такого германского слова пока не найдено, а во-вторых, совершенно не доказано, что местные названия вроде швед. *källinge, kältinge* обозначали именно «колодець», т. е. «оправленное в дерево или камень углубление, в котором медленно накапливается вода». Эти названия могли обозначать первоначально «бьющий или вытекающий из земли источник, ключ» (ср. швед. *källa*), которому свойственна как раз свежесть и низкая температура воды. Для колодца же характерной является именно его оправа. В лесистой прародине славян камня было сравнительно мало и оправа состояла, вероятно, из дерева — «колоды», от которой и произошло название *колодець*. Что суффикс *-ed'z'ь* не обязательно указывает на германское происхождение слова, общеизвестно.

Трудно объяснить, каким образом из франц. *couvert* «покрышка, укрытие; столовый прибор; пакет, конверт» или нем. *Kuvert* «конверт; столовый прибор» получилось *конверт*. В 1953 г. я предполагал влияние лат. *convertere* «обернуть», так как еще в XVIII в. *конверт* обозначал «обертку, бумагу, в которую заворачивали письмо»³. Б. О. Унбегаун предполагает совершенно другое объяснение: ввиду чрезвычайной схожести начертаний латинских букв *и* и *п* в письме, франц. *couvert* читалось русскими ошибочно **convert*, и это ошибочное произношение возобладаало — сперва, конечно, в менее образованных кругах⁴.

Крыжовник едва ли возможно фонетически вывести из немецкого диалектного *Krisdohre, Kristolbeere* «крыжовник». Гораздо вероятнее, что нижне-нем. *krusbere* (откуда нем. *Krausbeere*, швед. *krusbär* «крыжовник») было частью прямо заимствовано в форме, бытующей еще и теперь в говорах, — *крыжовник*, частью же понято как **krz(e)be* «крестовая ягода» и переведено по созвучию с *крж* «католический крест».

Былинный разбойник *Кудеяр*, имя которого представляется Фасмеру неясным, носит персидское имя, состоящее из *zidd* «бог» и *yār* «друг», буквально «божий друг», семантически соответствующее греческому θεόφιλος.

Название города *Либāва*, бывшее в употреблении до 1918 г., заимствовано, конечно, из нем. *Libau* (так же, как *Mumāva* < *Mitau, Windāva* < *Windau*). Немецкое название не является, однако, как думает Фасмер, переделкой латыш. *Liepāja* (от латыш. *liepa* «липа»), но, как указывает средневековое название этого города в латинских и немецких документах *Lyga*, восходит к прибалтийско-финскому названию местности: ср. фин. *liiva* «тина, ил» или эстон. *liiv* «песок». Как известно, местность в окрестностях этого города еще и теперь изобилует тинистыми болотами и песчаными дюнами. Латышское название *Liepāja* появляется только в XVI в., в связи с исчезновением прибалтийско-финского населения и появлением латышско-куронов. Немецкое *Libau* появляется в первый раз в 1384 г. и становится общеупотребительным только с XVI в. в связи с заменой нижненемецкого языка в Прибалтике верхненемецким, в котором нижненемецкому *-v-* часто соответствует *-b-*, например, *leve* — *leben* «жить»⁵.

Совершенно неправдоподобно объяснение названия выделанной шкурки молодой овцы *мерлу́ха, мерлушка* как заимствование из рум. *mielușă* «ягненок» или из франц. *merlut* «высушенная шкура», так как эти шкурки были уже в средние века предметом вывоза из Новгорода. Древнерусское *мерлу́ця* было даже заимствовано ганзейскими купцами в форме *merlitz*⁶. Первоначальное значение было, вероятно, «шкурка с выпоротка или мертворожденного ягненка» (от *мёрлый* «мертвый,дохлый»). Так как такие шкурки отличались особой тонкостью и мягкостью руна, то их название было из коммерческих соображений распространено на шкурки ягнят вообще. Нет оснований, как делает Фасмер вслед за Преображенским, сомневаться в этой этимологии.

Мотыль «бабочка» образовано, конечно, от *мотать* совершенно так же, как, например, *ковыль* «твердая, жесткая трава» — от *котать*. В семантическом отношении ср., например, нем. *Falter* «бабочка» — греч. *πάλλω* «трясу, мотаю» (от корня **pel-*)

¹ A. Vaillant, *Manuel du vieux slave*, t. I, Paris, 1948, стр. 52.

² Например, в «Neuphilologische Mitteilungen», LIV, Helsinki, 1953, стр. 378—379.

³ См. там же.

⁴ B. O. Unbegaun, [Рец. на кн.:] Max Vasmer. — *Russisches etymologisches Wörterbuch*, Lief. 5—9..., «Bull. de la Société de linguistique de Paris», L, fasc. 2, 1954.

⁵ Подробный разбор этого вопроса дан в моей книге «Die Kurenfrage» (Helsinki, 1939, стр. 219—220).

⁶ См. V. Kiparsky, *Fremdes im Baltendeutsch*, Helsinki, 1936, стр. 167.

и нем. *Heu* «сено» — *haueu* «бить». Не следует, однако, как делает Фасмер, исходить при этом из др.-русск. *мотыла*, *мотыло* «навоз» и рассматривать бабочку как «навозника». Как известно, только очень немногие, сравнительно редкие виды бабочек (например, ленточница тополевая, *Limnitis populi* L.) действительно встречаются чаще всего около навозных луж. Для дневных бабочек вообще (ночницы, бражники и сумеречницы не привлекают особого внимания) характерен их неровный, «мотающий-ся» полет. Непосредственно от *мотать* образовано также и другое, устарелое слово *мотыль* «кривошип», т. е. качающийся, «мотающийся» рычаг. Это последнее не включено в словарь.

Мундир, в просторечии *мундёр* заимствовано не из франц. *monture* «оправа; выкладка; верховая лошадь; форменная одежда», не из нем. *Mundierung*, *Montierung*, *Montur* в тех же значениях и не из польск. *mundur* «форменная одежда». Лучшее всего русск. *мундир* < *мундёр* фонетически и семантически объясняется из швед. *mundera* «обмундировать», *mundering* «обмундировка, форменная одежда».

Неизвестно, почему Фасмер обозначает *нансук* «род бельевой ткани» как «неясное» (unklar). Правильное объяснение этого слова как заимствования из франц. *nanouk* «бумажная ткань», засвидетельствованного в 1872 г. и в свою очередь заимствованного из языка хинди, дано уже Ушаковым в его «Толковом словаре русского языка» (т. II, стр. 389), где, впрочем, указываются только окончательное ударение *нансук*. Однако Р. И. Аванесов и С. И. Ожегов в их книге о литературном ударении и произношении указывают только *нансук*¹.

Нет необходимости выводить древнерусское *ногата* «денежная единица, 1/20 гривны» из арабского *накд* «деньги» через тюркское посредничество, как делает Фасмер, так как оно легко объясняется как русское образование от *нога*, т. е. «шкурка с ногами (с четырьмя лапками)», особенно если принять во внимание существование другой древнерусской денежной единицы — *мордки*, которую сам Фасмер объясняет как «куничью мордочку».

Своеобразную двойственность в употреблении вариантов *ноль* и *нуль*, а также *номер* и *нумер* Фасмер даже не пытается исследовать. О первой паре имеется теперь интересное семасиологическое исследование Н. И. Тарабасовой², которая, к сожалению, не затрагивает вопроса о происхождении этих вариантов. Как я указал уже в 1950 г.³, *ноль* заимствовано из швед. *noll* «ноль, нуль», а *нуль* — из нем. *null* «ноль, нуль», причем обе формы появились, вероятно, почти одновременно, в петровскую эпоху. *Номер* теперь определенно преобладает над устарелым *нумер*, но еще в первой половине XIX в. и та, и другая формы употреблялись приблизительно одинаково. Обе формы заимствованы в петровскую эпоху из голландского, где имеется такая же двойственность в употреблении *nummer* и *nummer* в совершенно одинаковом значении («номер»), с той разницей, что форма с *-и-* начинает преобладать. В частности, *номерá*, устар. *нумерá* «отдельные помещения, сдаваемые в гостинице» заимствовано из голл. *nummerhuizen*, *nummerhuizen* в том же значении.

В связи с этимологически совершенно ясным *ночлег* следовало бы, по крайней мере, упомянуть загадочное *наслѣгъ*, встречающееся в том же значении в текстах XVI—XVIII вв. и в старших словарях.

При игре в орлянку говорят не *орел* или *орешек*², как полагает Фасмер (II, стр. 277 и 278), а *орел* или *решка* (< *решѣтка*)? (см. в словаре Ушакова, т. II, ст. 848—849). Поэтому совершенно неосновательно усматривать в этой игре пережиток воспоминания о взятии Шлиссельбурга (= Орешка) русскими войсками в 1762 г. Это воспоминание сохранялось, повидимому, еще во второй половине XIX в. в Петербургской губернии в названии игры *орешек*, заключавшейся в том, что ребятишки брали приступом снеговую крепость (см. у Даля, т. II, стр. 1794). В начале XX в. мне уже не приходилось слышать этого названия.

Старое, данное самим Фасмером объяснение слова *офеня* «бродячий торговец-разносчик» из ново-греч. *ἀφέντης* < *ἀφέντης*, из которого происходит также турецк. *efendi* «господин (как титул)», следует, мне кажется, предпочесть его новому объяснению из ново-греч. *ἀφινός* «афинский, афинянин» (из этого последнего получилось, как известно, *ахинея*).

Офицёр объясняется из швед. *officer* «офицер» (с ударением на последнем слоге) гораздо легче, чем из польск. *oficer* (с ударением на предпоследнем слоге) или из нем. *offizier* в том же значении.

Паять относится семантически к *поить* и *пить* совершенно так же, как фин. *juottaa*, эстон. *joota* 1) «поить», 2) «паять» относятся к фин. *juoda*, эстон. *juua* «пить».

¹ «Русское литературное ударение и произношение», под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, М., 1955.

² Н. И. Тарабасова, *Ноль и нуль*, сб. «Вопросы культуры речи», I, М., 1955, стр. 227—234.

³ См. В. Кипарский, О колебаниях ударения в русском литературном языке. I, Хельсинки, 1950, стр. 81.

Данные индоевропейских и финно-угорских языков свидетельствуют о том, что первоначальное значение было именно «пить, поить»: ср., например, др.-индийск. *pāyati* «он поит», *pāyayati* «он напаивает» и, с другой стороны, коми *jun*, мадьярск. *inni* «пить». Изменение значения «пить, поить > паять» произошло совершенно самостоятельно в славянских и в прибалтийско-финских языках. Поводом к нему послужила, вероятно, примитивная техника паяния, заключавшаяся в том, что жидким металлом «поили», т. е. смазывали два куска твердого металла, которые требовалось соединить, «спаять»¹.

Английское *pea-jacket* «род куртки» было, как правильно отмечает Фасмер, заимствовано как *пиджак*, позднее переименованное в *спинжак*. Это же английское слово, не имеющее ничего общего с английским *pea* «горошина», *peas* «горох», а происходящее из ср.-голл. *pie* «куртка», было на русской почве переосмыслено: *гороховый пиджак*, *гороховая шинель*, *гороховое пальто*. Эти выражения до революции употреблялись для обозначения «полицейского сыщика, агента охранного отделения».

Кроме приведенных у Фасмера значений слова *пик* «карточная масть» (< франц. *pique* «пики») и «остроконечная гора» (< франц. *pic* в том же значении), имеется еще новое: *часы пик* — полузаимствование, полукалька с амер. *peak hours* в том же значении.

Полоснуть, которое Фасмер переводит *stechen*, т. е. «уколоть, ударить ножом», очевидно, то же самое слово, как и *полыснуть*, которое он переводит «e. *Nieb versetzen*», т. е. «нанести удар».

Следует отметить, что литовск. *pūdas* и (диалект.) *pūdis* получили значение «пуд, 40 фунтов» только вследствие смещения с *pūdas* «пуд». Прежнее значение их было «гиря, фунт», и они заимствованы не из др.-русск. *пудъ* с еще сохранившейся носовой гласной, как думает Фасмер (II, стр. 460), а из ниже-нем. *runde* «фунт», как доказано литовским ученым К. Альминаускисом в его работе о германских заимствованиях в литовском языке².

Объясняя *рай* как заимствование из древнеиранского, Фасмер не принимает во внимание, что древнеиндийское и авестийское *raū* «богатство, счастье», как и родственное им лат. *rēs* «вещь, дело и т. п.», обозначают именно «реальное имущество, богатство», в то время как у славян представление о рае связывается со счастьем отвлеченным, имеющимся где-то далеко, в «теплых краях», на «макарийских островах», в «стране Муравии» и т. п. Поэтому мне кажется более правдоподобным объяснение Калими³, который относит *рай* в первоначальном значении («теплая» река) к *рой*, *ринуться*, *река*. Уменьшительное *раёк* «верхний ярус в театре; кукольный театр и т. п.» получило это свое значение под влиянием франц. *paradis*: 1) «рай», 2) «галерка».

Общеславянское *ракъ* «рак (животное)», по мнению Фасмера, не объяснено удовлетворительно. Из приведенных им объяснений мне кажется, однако, вполне удовлетворительным данное Г. И. Ильинским сопоставление с литовск. *rakti* «ковырять острым предметом в чем-нибудь твердом, прокапывать; прокапывать» и латыш. *rakt* «копать». Семантически оно так же ясно, как и сопоставление нем. *Krabbe*, англ. *crab* «краб», швед. *kräfta*, нем. *Krebs*, др.-в.-нем. *krebiz* «рак», ср. голл. *crevet* «рак, креветка» с нем. *krabbeln*, др.-сканд. *kräfta*, *kräfta* «копаться, скрести, карапать, ковырять». Хорошо известно, что раки выкапывают («выковыривают») себе норы в берегах населенных ими водоемов, если не находят естественных углублений. Фонетически праславянское *ракъ* (< **rak-* или **rōk-*) предполагает удлинение гласного (аблаут), так же как, например, литовск. *plōkis* «удар» и русск. *плач* по отношению к литовск. *plàkti* «хлестать, бить», первоначально «выражать этим скорбь». Для полного соответствия следовало бы ожидать праславянск. **račъ* < **rākis*.

Рептух, *рептух*, *хребтух*, *хрептух*, *хребтух* и др. «веретё, вроде простыни, которое натягивается между оглоблями, образуя род корыта, в которое насыпают овес для лошадей», проникло в русские говоры из польского языка (польск. *reptuch*, *reptiuch*, *reptuz*, *kreptuch* с тем же значением засвидетельствовано уже в XVI в.). Объяснение, что оно — из нем. **Krippentuch* или **Reiftuch* не удовлетворяет ввиду отсутствия таких слов в немецком языке. Я еще в 1954 г. предложил исходить из первоначального **repduk*, польск. **чepduk*, которое легко вывести из ср.-нижне-нем. *rêp-dok(es)* «отрез, кусок материи»⁴. В русском произошло переосмысление под влиянием слова *хребет*.

¹ Подробнее этот вопрос исследован мною в «Journal de la Société Finno-ougrienne» (LVIII, Helsinki, 1956).

² См. К. A. I m i n a u s k i s, *Die germanismen des Litauischen*, Kaunas, 1934, стр. 106—107.

³ См. J. K a l i m a, *Zur Etymologie von slav. rajъ* «Paradies», «Slavia», ročn. XVII, seš. 1—2, 1939, стр. 33.

⁴ См. V. K i p a r s k y, [Рец. на кн.:] J. Kalima, *Slaavilaisperäinen sanastomme...*, Helsinki, 1952, «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. XXII, Heft 2, 1954, стр. 433, сноска.

Севернонеликорусские наречия *рече́е* «дальше от берега, ближе к середине реки» и *береже́е* «ближе к берегу» объясняются Фасмером как «старые сравнительные степени» от *река* и *берег*. Насколько мне известно, подобные образования (сравнительные степени от существительных в роли наречий) в других славянских языках не встречаются. Они, однако, весьма распространены в прибалтийско-финских языках, например, фин. *galletrana* «ближе к берегу» = собственно эссив сравнительной степени от фин. *ganta* «берег». Ввиду крайне ограниченной области распространения этих образований в русском, более чем вероятно, что мы имеем в этих случаях дело с калькированными финскими или карельскими выражениями.

Древнерусское собственное имя или прозвище *Рычагъ*, упоминаемое Фасмером в статье *рычаг*, конечно, не имеет ничего общего с этим словом, проникшим в русский язык из польского не ранее XVI в. Имя *Рычагъ* образовано от *рычѣти* (<*rykēti), так же как, например, *Синяга* (ср. фамилию *Синягин*) от *синѣть* (<*sipeti). Во всяком случае, следовало бы выositить этим выражением специальное исследование.

Свинка «слиток металла» упоминается, правда, уже в 1626 г. в выражении *свинцу* *свинья* в «Записной книге московского стола» («Русская историческая библиотека», IX, 1884, стр. 389, 442, 488), что говорит в пользу сопоставления с названием металла *свинец*, которое дает Фасмер. Однако появляющееся в том же значении *чушка* делает этимологическую связь между *свинцом* и *свинкой* менее вероятной. Повидимому, мы имеем здесь дело с калькированным английским выражением *pig of lead* «слиток свинца» (англ. *pig* «свинья»), также *iron pig* «слиток железа» и т. п. Именно во второй половине XVI в. начался усиленный экспорт металлов из Англии в Москву, который и мог вызвать появление вышеупомянутых калек.

При определении праславянской формы, к которой восходит южнорусск. *свита*, *свитка* «род верхней одежды», следует принять во внимание старое финское заимствование *viitta* «плащ», которое указывает на праславянское и древнерусское *свита*, не **сѣвита*. Последнее дало бы в финском **suviitta*; ср., например, фин. *suvalkko* «вал у ткацкого станка, на который навивается основа» <**сѣволкъ*, откуда русское обл. *своло́к* в том же значении, и фин. *sukkula*, **sukkala* «челнок» <**сѣкала*, откуда русское обл. *ска́д* «снаряд, на котором свивают цевки для утока».

Название *Сестра́*, обозначающее речку, по которой до 13 марта 1940 г. проходила граница между Финляндией и СССР, — финского происхождения. Старое финское название *Siestarjoki* от фин. *siestar* «черная смородина» и *joki* «река» было переосмыслено шведскими чиновниками как *Systerback*, буквально «Сестра-река». Так как эта река играла большую роль при определении новгородско-шведской границы, то она получила финское название *Rajajoki* «пограничная река», совершенно вытеснившее старое название: *река Сестрѣя* (в Ореховском договоре 1323 г.).

Устарелое *сикуре* «помощь, поддержка» было заимствовано не из итальянского *soccorso* «помощь», как полагает Фасмер, а из бывшего в употреблении еще в XVII в. франц. *secours*, *secours* «помощь» с ясно слышимым -s- в окончании. Написание с -и- объясняется, вероятно, редукцией -е- в предударном слоге. Слово это рано выпало из употребления (уже у Пушкина оно является умышленным архаизмом) и поэтому, вероятно, его орфография не была исправлена грамматиками.

Из приведенных Фасмером объяснений слова *слон* следует, безусловно, отдать предпочтение теории заимствования из татарского *aslan* «лев». Изменение значения здесь так же мало удивительно, как и смешение слона с верблюдом¹, бегемота с носорогом, тура с зубром² и т. п. Сопоставление *слона* с глаголом *слонить* на основании средневековой басни, будто слон не может сгибать колен и спит, п р и с л о н я с ь к дереву, принимаемое многими серьезными учеными, следует отнести к области народной этимологии. Таким же образом многие западноевропейские натуралисты XVI—XVII вв. переосмыслили название «морж» частью как «кусак» (от лат. *morsus* «укус»), частью как «смертополец» (от лат. *mors* «смерть»)³.

Областные глаголы *стя́зывать*, *стя́пать*, *стя́шить* «стащить, украсть», которые почему-то отнесены к «неясным» (unklar), являются, без сомнения, разновидностями разговорного *стя́нуть* «украсть», так же как и *стя́брить* в том же значении, которые Фасмер именно так и объясняет. К этому последнему следует, вероятно, отнести и *сти́брить*, *стибану́ть*, *сти́госить* «стащить, украсть», которые Фасмеру кажутся «неясными».

Тальма́ «верхнее женское платье» едва ли тюркского происхождения, как предполагает Фасмер, хотя оно и записано в 1899 г. в Tobolske. По всей вероятности, это — упревшее в глухой провинции *тальма́* «женская длинная накидка без рукавов», названное так по имени французского артиста Ф. Тальма (François Joseph Talma, 1763—1826) и бывшее в общем употреблении в первой половине XIX в.

¹ См. V. Kiparsky, Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem germanischen, Helsinki, 1934, стр. 213.

² См. B. Unbegaun, указ. статья, стр. 169—174.

³ Подробнее см. V. Kiparsky, L'histoire du morse, Helsinki, 1952, стр. 9 и 15.

Из приведенных у Фасмера различных объяснений слова *таракан* мне представляется самым вероятным толкование его как заимствование из чувашского *taragan* «бегун, беглец». Для этого насекомого характерен именно быстрый бег, который, как известно, неоднократно использовался устроителями азартных игр. «Тараканьи бега» описываются, например, у А. Н. Толстого в IV книге «Похождений Невзорова» и у английского писателя Грэхема Грина (Graham Greene) в романе «Главное дело».

Фасмер напрасно сомневается в том, что выражение *подпускать туры* (на колессах) и т. п. происходит от названия двигавшейся на колесах осадной башни, называвшейся также *тарасы*; ср. у Дали: «устремишася къ монастырю... и съ тарасы рублеными на колесѣхъ». Это последнее заимствовано из польск. *taras* «насыпь, вал; укрытие, заграждение; терраса», которое, в свою очередь, заимствовано из нем. *Terrasse* или франц. *terrasse* в тех же значениях, первоначально «земляная насыпь», от лат. **terrācea*.

В пользу старой этимологии южнорусского слова *тартак* «лесопилня» <польск. *tartak* в том же значении, от польск. *trzeć* «тереть», *tarty* «тертый», данной еще Ф. Миклошичем, говорит русское областное выражение *тереть доски* «пилить доски»; например, у Юрия Германа («Россия молодая»): «П доски тер — на продажу».

*

В заключение отметим еще несколько опечаток и мелких неточностей, которые легко могут быть исправлены в следующем издании.

Род. падеж ед. числа от *кóпоть* «сажа» не *кóпоти*, а *кóпоти*.

Библейское чудовище называется не *левиафан*, а *левиафáн*.

Метис не «сын европейца и мулатки» (это последнее обозначалось в XIX в. словом *квартерон*), а «сын белого и американской индианки или индейца и белой женщины», а также «гибрид вообще».

Вместо *неп* (II, стр. 212) следует читать *нэп*, вместо *нѣтопырь* (II, стр. 216) — *немопырь*.

Очень неприятная опечатка в немедном тексте встречается на 266 странице II тома, где заглавие статьи *олядь* переведено *Art Brot*, т. е. «род хлеба», что оставляет читателя в совершенном недоумении, так как трудно догадаться, что следует читать *Art Boot* «род лодки».

Под заглавием *праск* «хлопок, щелканье кнута» (II, стр. 425) приводится чеш. *praskati* со значением «knallen», т. е. «хлопать». Это неточно: чеш. *praskati* значит «трещать» (например, о дровах в печке) или «лопаться». В значении «хлопать, шлепать» употребляется *práskati* (с долгим *-á-*).

Вместо *орангутан* следует читать *орангутáнг*, вместо *пагода* — *пáгода*, вместо *пѣнька* — *пѣнькá*, вместо *саитимѣтр* — *саитимѣтр*.

Пестун не «медведь, сопровождающий своего детеныша», а «медвежонок 2—3 лет, оставшийся при матери», который якобы принимает участие в воспитании («пестовании») своих младших братьев и сестер.

При *полоскасть* следовало бы указать литературное *полощу*, а не только разговорное *полоскаю*.

Русское слово *рутина* имеет значение неодобрительное («рабское следование заведенному шаблону»), соответствующее приблизительно нем. *Schlendrian*. Его нельзя переводить нем. *Routine*, которое имеет значение похвальное: «сноровка, опыт, наторелость».

Тара — не «чистый вес товара без упаковки», а именно «вес упаковки», в новейшее время — «упаковка вообще».

*

Принимая во внимание объем словаря (до сих пор вышло более ста печатных листов убоистого шрифта), надо признать, что все критические замечания не в состоянии серьезно уменьшить значение этого капитального труда. Вся огромную работу над своим словарем, от выписывания фишек до правки корректур, Фасмер проделал совершенно один и, конечно, не мог при этом избежать некоторых промахов. Его единственными «сотрудниками» являются рецензенты, которые видят словарь уже в готовом виде и могут только показать, что не могли во время указать автору на мелкие неточности. Зато его словарь отличается той оригинальностью мысли и той монолитностью, которых очень трудно достигнуть в коллективных работах. В этом труде выдающегося ученого с пятидесятилетним научным стажем сконцентрированы все достигнутые до сих пор результаты исследований по русской этимологии и указано также то, чего мы еще не знаем в этой области. Словарь Фасмера послужит солидным фундаментом для тех ученых, которые возмущаются за составление этимологического словаря русского языка для русских читателей и которые будут иметь возможность осуществить более обстоятельные семантические комментарии.

В. Р. Купарский